

символический смысл. Она пострадала не из-за личных или вообще случайных мотивов. Она пострадала, как жертва столкновения двух великих мирозосерданий, пострадала во имя чуждой языческому миру христианской идеи свободы высшей духовной жизни, от государственного вмешательства. Эта идея и является жизненным нервом новой христианской науки и на ней и только на ней покоится автономия высшей школы. И если св. Татяна является символом

христианской науки вообще, то особенно близка к этому символу наука русская, которая, подобно святой своей покровительнице, никогда не останавливалась перед мученичеством во имя истины и сейчас стоит на лобном мѣстѣ перед своими красными палачами, гораздо больше чуждыми идеѣ духовной свободы, чѣм римские правители эпохи св. Татианы.

25/13, I. 1931 г.

С. Троицкий.

Этюды о русской культурѣ

ЭТЮДЪ II.

Достоевскій и Гоголь.

Посвящается о. Александру Ельчанинову.

«Страданіе есть показатель глубины».

Н. А. Бердяевъ

Россия, несомнѣнно, представляет величайшую загадку. Загадка эта страшна. «Страшна, потому что неопредѣлима и опредѣлить нельзя» — скажемъ словами Достоевскаго. Россия — тайна недоступная логическому «эвклидову» уму. И наряду съ мистической таинственностью Россия какой-то очень важной гранью своего духовнаго стиля отличается разсудочностью, «разсуддальчествомъ», все-разлагающимъ анализомъ — и весьма пада на эти соблазны, приходящія, какъ изнутри, такъ и извнѣ. Россия и русскіе люди резонерствуютъ, философствуютъ, какъ никто въ мѣрѣ. «Тутъ всѣ берега сходятся и всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ» (Достоевскій).

Европейцы знаютъ это совмѣщеніе противоположностей, эту coincidentia oppositorum Николая Кузанскаго — лишь за письменнымъ столомъ и въ философ-

скихъ системахъ. Но Россия и ея пророкъ и выразитель, Достоевскій, знаютъ трагедію противорѣчій на дѣлѣ. Ихъ философія — это философія крови и духа!

Россия — сфинксъ. И она принуждаетъ отгадать себя, — прозя въ противномъ случаѣ испепелить и погубить весь мѣръ. Въ этомъ смыслѣ Россия великолѣпно символизируется трагическими героинями романовъ Достоевскаго. Нынѣ эта угроза стала вполне реальной и реализуемой. Россия — все, что угодно, но только не ничтожество, которое можно сбросить со счетовъ. Она заставляетъ прислушиваться къ себѣ.

Безъ любви загадка эта не отпадыма. Но любить Россию — дѣло трудное, мучительное и отвѣтственное. Любовь вообще трудна и мучительна, а любовь къ России — подавно. Россия — благодарна къ тѣмъ, кто ее любитъ, и часто воздастъ зломъ за добро.

Россия, повторяемъ, цѣлый мѣръ, космосъ, — не только космосъ, но и хаосъ, она — хаокосмосъ.

Для того, чтобы разрешить задачу «большого мира», «макрокосма», надо увидѣть, узрѣть его отраженнымъ въ «маломъ мирѣ» — въ «микрокосмѣ», куда, какъ въ фокусъ, собираются всѣ лучи «большого мира», — свѣтлые и темные.

Такимъ микрокосмомъ является гений, въ которомъ всечеловѣческое отражается черезъ національное.

Гений есть существо демоническое или, вѣрнѣе, даймоническое: онъ рождаетъ и творитъ даймоновъ — демоновъ, свои образы, онъ излучаетъ Эросъ-любовь; онъ даетъ имъ начало и самъ есть въ извѣстномъ смыслѣ «начало», «принципъ»; онъ создаетъ своихъ вдохновителей и вдохновительницъ и ими же вдохновляется. Сколько полубытійныхъ ничтожествъ получило, благодаря гению, свое истинное бытiе и стали его вдохновителями, его творческимъ рокомъ!

Но гений, существо богоподобное, «творецъ ангеловъ и духовъ», самъ кромѣ того является тварнымъ ангелоподобнымъ «даймоническимъ» существомъ. И черезъ творчество гения мы понимаемъ смѣлое утверждение св. Григорія Нисскаго, что ангелы могутъ размножаться. Образы, творимые гениемъ и суть такіе размножаемые ангелы — даймоны. Они имѣютъ свое отдѣльное, самостоятельное бытiе и «витаютъ въ воздухѣ». Духъ гения по природѣ андрогинъ — мужеженское существо. Поэтому онъ творецъ мужскихъ и женскихъ духовъ-образовъ. Въ гении совмѣщены мужское божество Поросъ (богатство) и женское Пенія (бѣдность). Они зачинаютъ и рождаютъ въ немъ страшнаго, всемогущаго, противорѣчиваго даймона - Эроса. Этотъ полубогъ есть двойникъ всякой гениальности. Онъ вдохновляется, но онъ же вдохновляетъ, т. е. вдвухаетъ дыханіе жизни въ творимые имъ образы, или же вторично рождаетъ прежде рожденныхъ, своихъ полуреальныхъ вдохнови-

телей и вдохновительницъ, страшно, демонически рождаетъ ихъ, иногда на погибель имъ и себѣ.

Твоей святыни не нарушить
Поэта чистая рука,
Но ненарокомъ жизнь задушить
Иль унесетъ за облака.

(Тютчевъ).

Рѣчь идетъ, конечно, о настоящихъ поэтахъ, а не о самозванныхъ ничтожествахъ.

Гений, хотя существо богоподобное, «творецъ ангеловъ и духовъ», самъ существо сотворенное, падшее и по человечеству — раздвоенное. Онъ продитъ свѣтъ и тьму по образу почвы, изъ которой самъ возникъ. Это все касается и русскихъ гениевъ — ихъ въ особенности, ибо на челѣ Россіи лежитъ печать демонической гениальности преимущественно. Оттого она — не понята, непонятна и одинока — какова вообще судьба гения. Ибо гений — царь въ пустынь и царь пустыни.

Гений — и гениальная Россія — стоятъ лицомъ къ лицу съ бездной свободы, въ трагической раздвоенности свѣта и тьмы.

Свѣтъ Россіи отразился на Пушкинѣ, ея тьма сосредоточилась въ Гоголѣ. Но антитеза Пушкина и Гоголя требуетъ своего синтеза, своей разгадки. Синтезъ вѣдь всегда есть и разгадка.

И вотъ, во второй половинѣ XIX вѣка, расцвѣтаетъ творчество одного изъ величайшихъ гениевъ всѣхъ временъ и народовъ—Феодора Достоевскаго. Онъ отгадалъ загадку Пушкина и съ нимъ — загадку русскаго призванія, русской культуры — какъ культуры всечеловѣческой, пророческой и мессіанской по преимуществу.

Но, кромѣ того, самъ Достоевскій воспринялъ еще тяжелую и мучительную прививку русской тьмы. Онъ воспринялъ страшное наслѣдіе Гоголя. Но не палъ

въ изнеможеніи, подобно творцу «Мертвыхъ Душъ», не растаялъ и не изошелъ въ сладкозвучной, упоительной и ядовитой лирикѣ, подобно автору стиховъ о «Прекасной Дамѣ» А. Блоку. Но переплавилъ и свѣтъ Пушкина и тьму Гоголя въ до-бѣла раскаленномъ, страстномъ огнѣ своихъ трагическихъ откровеній. Онъ ушелъ въ вѣчность, препоясавшись мечемъ великой идеи, подобно мужу.

Мучительныя черно-красныя тѣни легли на испепеленномъ страстью и страданіями лицѣ Достоевскаго — легли вмѣстѣ съ отсвѣтами того костра, въ котормъ сгорѣлъ Гоголь со вторымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ» и Блокъ со своими «Двѣнадцатыю». И это — часть всероссійскаго эсхатологическаго и апокалиптическаго костра, зажженнаго «всегдашней», неутолимой потребностью страданія».

Загадка страданія — непреодоленнаго у Гоголя, преодоленнаго у Достоевскаго — является также загадкой страдальческой, трагической исторіи Россіи.

Страданія - обратная сторона грѣха, грѣхопаденія или же его слѣдствіе. Согрешившій человекъ является данникомъ страданій. Безгрѣшный Богочеловекъ сострадаетъ и свободно беретъ это иго на себя. Міровая драма грѣхопаденія. грѣха, порчи, связанности, юдержимости грѣхомъ — вотъ главная тема Гоголя и Достоевскаго. Зло, понимаемое, какъ грѣхъ — есть христіанская философія грѣха. Поэтому можно сказать, что Гоголь и Достоевскій — мученики и оброчники христіанской мудрости по преимуществу.

Достоевскій, несомнѣнно, одной, очень важной стороной своего существа вышелъ изъ Гоголя. И основная тема у нихъ одна: падшій и страждущій человекъ, ставшій спиною къ Богу и къ раю. Только у Гоголя — ужасъ утраченной свободы, ужасъ магической завороченности грѣхомъ и разложеніемъ, что видно въ «Ве-

черяхъ» въ «Миргородѣ», въ «Мертвыхъ Душахъ». У Гоголя все статично, все застыло и окаменѣло, словно отъ смертоноснаго взора Вія. У Достоевскаго наблюдается другой подходъ къ темѣ грѣха. Тема Достоевскаго — мощное трагическое движеніе, динамика въ направленіи къ предолѣнію противорѣчій, ужасовъ распада и соблазновъ пессимизма. Достоевскій преодолеваетъ искушеніе распада и пессимизма черезъ философію трагедіи свободы и трагическую философію свободы. Поэтому у него основная тема грѣхопаденія оборачивается, какъ тема свободы, чего мы не видимъ у Гоголя. Гибель Петруся, колдуна, Хомы Брута, распадъ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, разложеніе Хлестакова, Чичикова и др., въ сѣрое, мелкобездонное «ничто» убиваетъ и наши души. Гибель Раскольниковы, Ставрогина, Кириллова, Ивана Карамазова «свѣтоносно для насъ» — по выраженію Н. А. Бердяева*). Эти трагедіи вызываютъ настоящій христіанскій катарсисъ (очищеніе). Античная трагедія Рока замѣняется здѣсь христіанской трагедіей свободы**). Вмѣстѣ съ центральной темой свободы у Достоевскаго выступаютъ сопутствующія ей и съ ней связанныя темы послѣднихъ свершеній — темы эсхатологическія: смерти, суда, запробнаго пути, вѣчности — что хотя и намѣчено у Гоголя

*) «Міросозерцаніе Достоевскаго», стр. 75. Исключеніе представляетъ, пожалуй, только одинъ невыразимо страшный «Бобскъ», но это уже въ совершенно иномъ планѣ.

**) Въ этомъ смыслѣ трагическіе мотивы Тургенева и Чайковскаго — этихъ типичныхъ представителей великой русской дворянской культуры — суть не христіанскіе, хотя и въ неоромантичскомъ обличьи. Объ этомъ у насъ будетъ особый этюдъ.

(особенно въ «Страшной Мести»), — но не въ такихъ размѣрахъ и почти безъ философскаго подхода.

Жизнь обоихъ—Гоголя и Достоевскаго — катастрофична, но по разному. Геній вообще есть крестъ*), въ противоположность легкому, привольному «поживанію» талантовъ и талантиковъ. И безмѣрно тяжки кресты Гоголя и Достоевскаго. Однако, Гоголь палецъ сломленный и раздавленный. Достоевскій побѣдилъ. У Гоголя — каторжный страхъ вѣчной гибели, странное, страшное влеченіе къ безобразію, испепеленный, черный антиэросъ, адскія видѣнія, прираженіе вѣдьминой природы; у Достоевскаго ужасы реальной каторги, тягостныя, пророческія прозрѣнія, падучая болѣзнь, жесточайшая внутренняя борьба съ «Содомомъ» за «Мадонну». У обоихъ терзаніе надъ судьбою падшаго человѣка, надъ его обезображеннымъ ликомъ. Но Гоголь не могъ найти жалости ни для себя, ни для падшаго. Даръ сострадательной любви также, какъ и даръ любви женской — были отняты отъ него. Достоевскій истерзался, жалѣя замученнаго ребенка и его не искупленныхъ слезъ — и вкусилъ отъ чаши женскаго Эроса, чтобы убѣдиться, сколько въ ней горечи, ужасовъ и яду. Но безудержное, изступленное состраданіе такъ же, какъ и безудержное, изступленное сладострастіе одинаково катастрофичны и смертельно опасны для личности, взрывающая ее изнутри.

Наконецъ, оба — и Гоголь и Достоевскій — тяготѣли къ положительной церковной религіозности, оба были въ Церкви. Но Достоевскій прошелъ черезъ горнило діалектики вѣры и невѣрія, и ему открылся ликъ Христовой любви. Гоголь,

*) Крестъ геніальности особенно чувствуется въ жизни и творествѣ величайшаго мірового генія музыки Людвигаванъ-Бетховена.

повидимому, не зналъ философской драмы, которая именуется завоеваніемъ вѣры, но зато не позналъ и благодати всепрощенія Христова.

Ужасенъ ихъ творческій и жизненный путь и про обоихъ можно сказать словами ап. Павла:

— «Страшно впасть въ руки Бога Живаго», —

и про Гоголя, пожалуй, въ большей степени. Въ такой степени, что руки опускаются и голова никнетъ передъ этимъ зрѣлищемъ ада на землѣ.

Одна изъ самыхъ тяжелыхъ, мучительныхъ особенностей личной судьбы и творчества Гоголя та, что въ немъ черный антиэросъ проклятой безлюбовной смерти (въ противоположность бѣлому Эросу благословенной любовной смерти) «одушевлялъ художественный аппаратъ почти безпредѣльной силы») Гарпії вдохновительницы**), прилетавшія къ Гоголю, не только мѣшали ему «ѣсть» — вкушать отъ плодовъ міра, — какъ мифологическому Финею, но и сами были при этомъ отвратительно безобразны. Гоголь вдохновлялся ихъ безобразіемъ и ѣлъ испорченную ихъ погадками свою страшную пищу, ѣлъ — и горѣлъ въ черномъ, ледяномъ пламени геенны.

«Nelle tenebre eterne, in caldo e in gelo».

(Dante, Inferno III).

Была и реальная «Гарпія» — ю. Мат-

*) Мы полагаемъ, что съ формальной точки зрѣнія Гоголь является самымъ сильнымъ художественнымъ геніемъ всей русской литературы.

**) Глубокое, научно-мифологическое и интуитивно-умозрительное проникновеніе въ мифологическій образъ Гарпій данъ въ блестящемъ этюдѣ о. Павла Флоренскаго «Не восхищеніе непщева». Сергіевъ Посада, 1915 годъ.

вѣй Ржевскій, котораго онъ, однако, самъ выбралъ себѣ въ духовники и въ «старцы».

Безобразіе и антиэросъ безобразія — это разрушители бытія, и въ немъ самаго главнаго и прекраснаго — личности. Поэтому трагедія Гоголя, въ которой сплелись біографія и объективное творчество, есть разрушеніе личности антиэросомъ безобразія. А тамъ, гдѣ онъ побѣждаетъ и создаетъ красоту — это красота мертвая, она не одушевлена, не оживотворена Эросомъ, но, наоборотъ, заморожена и заморожена тѣмъ же антиэросомъ. Можно даже сказать, что формальная красота у Гоголя была мертва, а безобразіе «одушевлялось». Впрочемъ, «красивое» и «безобразное» были у Гоголя какъ-бы одной и той-же панночкой-вѣдьмой изъ «Вія», одновременно ослѣпительной красавицей и омерзительной старухой.

Эта повѣсть о панночкѣ (въ «Віѣ») есть повѣсть о душѣ и творествѣ самого Гоголя. «Рубины ея усть прикипали кровью къ самому сердцу» — такова и магія художества самого Гоголя.

Сущность вѣдьмы — это голая, холодная, безстрастная похоть. Здѣсь предѣлъ развращенности. Очень хорошо отмѣтилъ Чеховъ своей «Ариаднѣ», что холодъ и развращенность идутъ рука объ руку. Но съ особенной силой показалъ это Достоевскій на образахъ Свидригайлова, Ставрогина и старика Карамазова. Холодъ («окамененное нечувствіе») означаетъ не только отсутствіе интереса къ духовнымъ цѣнностямъ, но даже отрицательный интересъ къ нимъ, т. е. войну, вражду.

Гоголь хоронилъ мертвецовъ и замораживалъ красоту міра, не достойнаго этой красоты. И самъ умиралъ и самъ себя хоронилъ.

Неисповѣдимыми путями Провидѣнія, попущеніемъ свыше, вѣдьма поднесла Го-

голю чашу «холоднаго огня», и онъ могъ сказать про себя:

Такъ смѣясь надъ чашей яда,
Злая вѣдьма шепчетъ мнѣ,
Что безсмертная отрада
Есть въ отравленномъ огнѣ.

(Соллогубъ).

И вотъ, вѣдьма-панночка, демоническое созданіе его демоническаго генія, выговариваетъ въ церкви «мертвыми устами страшныя слова»... они «хрипло всхлипывали, подобно клокопанію кипящей смолы»... «вѣтеръ пошелъ по церкви отъ словъ»... «иконы попадали на землю». А отъ колдовства отца Катерины въ «Страшной Мести» — «вмѣсто образовъ выглядываютъ страшныя лица». Эта трансформация образовъ, какъ бы побѣда надъ ними злой силы, и вихрь, въ которомъ прилетаютъ гномы — адскія чудовища — не только литературный приѣмъ, но какая-то страшная символическая реальность, въ которой литература и жизнь не отдѣлимы. Это символъ искаженныхъ грѣховъ образовъ міра-бытія, грѣховная проказа бытія. На многострадальнаго Іова тоже вѣдь, попустительствомъ свыше, пришли изъ пустыни злыя силы, вихрь и проказа.

Элифасъ Леви (Eliphas Levi), авторитетный знатокъ магіи, говоритъ о холодномъ вихрѣ, поднимающемся отъ чернаго волхованія. Позитивный ученый съ міровымъ именемъ Шарль Ришэ пишетъ въ своемъ «Трактатѣ о метапсихикѣ», о ледяномъ дуновеніи передъ появленіемъ призрака. Все это предвозвѣстники могильнаго холода и «того, кто имѣетъ державу смерти, то есть діавола».

Гоголь былъ замороженъ ледяными вихрями изъ страшныхъ подваловъ и адскихъ подполій, и самъ сталъ «поражать змѣинымъ ядомъ неразумные цвѣты». Онъ «мертвымъ взоромъ посмотрѣлъ на

Теперь принято издѣваться въ пошло обывательскомъ стилѣ надъ этимъ атрибутомъ русскаго народа и одновременно надъ Достоевскимъ, будто-бы не предусматрѣвшимъ того безобразія и богоборчества, до котораго дойдетъ русской народъ (онъ только и дѣлалъ, что предусматривалъ это!) Все это показатель крайне поверхностнаго и плоскаго отношенія къ темѣ. Богоношеніе есть ужасъ («Я есмь огнь поядающій») — и быть христіанскимъ народомъ по преимуществу — значить пройти всѣ перипетіи крестныхъ мытарствъ — вплоть до богооставленности и схождения во адъ. Быть богоизбраннымъ значить быть богооставленнымъ — въ этомъ страшная парадоксія христіанской свободы. Господь Иисусъ Христосъ принесть не «мїръ, но раздѣленіе» — и прежде всего раздѣленіе красоты и безобразія, свѣта и тьмы и, главное — раздѣленіе свободы и рабства. Раздѣленіе это прошло не только между людьми, но и въ духѣ одного и того же человѣка, въ глубинахъ его личности, ибо личность соборна. Всякое «я» есть въ то же время и «мы». Съ явленіемъ Христа смѣшеніе и безразличное совмѣщеніе этихъ началъ становится невозможнымъ. Они противостоятъ другъ другу и приходятъ въ состояніе бурной трагической динамики и борьбы. А про тѣхъ, у кого этой борьбы огня и льда нѣтъ, кто «ни горячъ, ни холоднъ», но «тепелъ», про тѣхъ Христосъ говоритъ: «извергну тебя изъ устъ Моихъ», т. е. такой перестаетъ быть христіаниномъ, или же является имъ въ очень малой степени. Ему грозитъ опасность стать ничтожествомъ для вѣчности. На кого упалъ лучъ Виолеттской звѣзды, тотъ уже успокоиться не сможетъ иначе, какъ «вѣчнымъ покоемъ», приходящимъ въ качествѣ катарсиса (очищенія), послѣ трагической борьбы до конца. Свѣтъ Христовъ не только «просвѣщаетъ всѣхъ», но и открываетъ въ глубинахъ

нашего духа страшныя язвы, гноящіяся струпы, копошащихся гадюкъ, которые, безъ этого были бы незамѣтны, хотя ихъ ужасное дѣйствіе только бы безмѣрно возросло отъ этой незамѣтности. Самый страшный врагъ — это врагъ незамѣтный. Свѣтъ Христовъ вскрываетъ язвы, и онъ же ихъ врачуетъ. Но перестрадать необходимо, иначе не явится Духъ Утѣшитель.

Христіанство есть величайшая міровая идея творящаго и воплощеннаго Логоса. Эта идея лежитъ въ основѣ бытія, она есть извѣчное первоначало, премудрость, творящая мїръ.

Новый Завѣтъ безконечно древнѣе Ветхаго.

Разъ мы произносимъ «Въ началѣ было Слово» — мы этимъ самымъ утверждаемъ изначальность, надмѣрность и премѣрность христіанской философіи. И уже послѣ этого мы произносимъ: «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю». Скрытая отъ замутненныхъ грѣхомъ очей падашаго человѣка христіанская идея все-же продолжаетъ сверкать среди черной ночи «огнями ветхозавѣтныхъ упованій*»), и, наконецъ, является мїру, какъ «Солнце Правды» — Воплощенное Слово, символизируемое идеей Виолеттской звѣзды.

Эта звѣзда есть звѣзда свободы и любви. Этимъ идеямъ, проповѣданнымъ въ Геосиманіи и на Голгоѣ, противостоятъ черныя антиидеи, — лжеидеи рабства и ненависти. Душѣ, свободно парящей на крыльяхъ любви, на крыльяхъ огнепламенной чистоты, противостоитъ ея грѣховный «безобразъ» — копошащаяся въ низинахъ «душа паука» съ ея злостью и холоднымъ сладострастіемъ. Въ страшныхъ страданіяхъ отъ этого раздвоенія

*) Выраженіе о. Сергія Булгакова въ «Свѣтъ Невечернемъ».

пробуждается сознание и осознает свою погруженность въ грѣховный мракъ:

Пестрѣтъ мгла, блуждаютъ очи,
Кровавый призракъ въ нихъ глядитъ,
И тѣмъ ужаснѣй сумракъ ночи,
Чѣмъ ярче факель мой горитъ.

(Фетъ).

«Страданіе — причина сознанія»^{*)}. Въ этихъ трехъ словахъ Достоевскаго явление одно изъ величайшихъ открытій мировой мысли. Страданіе пробуждаетъ сознание, и въ сознаніи возникаетъ извѣчная идея свободы. Такъ преодолевается пессимизмъ.

Таковы основныя идеи Достоевскаго. Онъ во множествѣ промежуточныхъ вариантовъ, комбинацій, воплощеній, перевоплощеній и діалектическихъ конфликтовъ составляютъ грандіозный сонмъ тѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя именуются героями романовъ Достоевскаго. Достоевскій, конечно, есть «національный философъ Россіи» — совершенно вѣрно замѣчаетъ А. З. Штейнбергъ въ своей превосходной книгѣ «Система свободы Достоевскаго». Но, кромѣ того, Достоевскій вообще одинъ изъ замѣчательныхъ мыслителей всѣхъ временъ и народовъ, при томъ, онъ мыслитель вполне христіанскій, что случается и по сей день чрезвычайно рѣдко, вѣрнѣе сказать, до Достоевскаго въ такихъ размѣрахъ вообще не встрѣчалось. Бываютъ философы христіане — и довольно часто, но христіанской философіи почти совсѣмъ не встрѣчается. Дѣло вѣдь не только въ томъ, чтобы употреблять христіанскую церковную терминологию (хорошо, если это не

*) См. «Записки изъ подполья» Достоевскаго.

только фразеологія**), но чтобы поставить христіанскую проблематику. Это сдѣлалъ Достоевскій.

Огромная заслуга Достоевскаго та, что онъ вернулъ философіи ея достоинство, вывелъ ее изъ затхлаго профессорскаго кабинета и показалъ, что она — царица и владычица міра, ибо и самъ міръ — лишь ея одѣяніе и тѣнь. Онъ воспринялъ и утвердилъ дѣйственную, творящую энергію идеи и прѣтворилъ подвигъ Платона, но на основѣ динамики христіанской свободы. Можно было бы сказать, что Достоевскій совмѣстилъ геній Платона и Гегеля: воспринявъ ютъ одного — созерцаніе идей, а отъ другого — ихъ діалектическую динамику. И все это на христіанской закваскѣ — «доколѣ не вскисло все».

«Связь Достоевскаго съ Платономъ гораздо глубже, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ», говоритъ А. З. Штейнбергъ — и совершенно правъ. Идеализмъ, т. е. міросозерцаніе, утверждающее духовныя мыслеобразы-идеи, какъ мірообразующую и міродвижущую силу, — есть единственное, вѣчное міросозерцаніе, вѣчно новое, и постоянно обновляющееся. Это — «наука навѣки» (ἡ τέχνη αἰεὶ ἄει) по выраженію Оукидида.

Но и жгуче, какъ огонь, яркіе, какъ солнце мыслеобразы-идеи Достоевскаго, тоже «наука навѣки». Устами творца «Братьевъ Карамазовыхъ» — Россія сказала міру свое новой вѣщее слово.

В. Н. Ильинъ.

Парижъ.

Февраль 1931.

**) «Несчастье христіанства въ томъ, что оно стало реторическимъ» — съ горькимъ остроуміемъ замѣчаетъ В. В. Розановъ.